Оглавление

Александр Александров. Бюллетени о состоянии здоровья Л. Н. Толстого в прессе начала XX века 99

Эльмира Александрова. Газдановские кухарки в свете русских революций 111

Кристина Гарнова. Мотив смены гардероба действующих лиц в романах Ф. М. Достоевского 118

Елена Глуховская. Эллис в воспоминаниях современников . . 127

Ольга Ермакова. Текст в тексте романа С. Гандлевского «<НРЗБ>» 139

Татьяна Ефремова. Призрачное поле битвы Себастьяна Найта: мужественность и рыцарство в романе В. В. Набокова 147

Ольга Жиронкина. Творческие взаимосвязи К. Д. Бальмонта и В. Я. Брюсова как поэтическое состязание 156

Ольга Макаревич. «Мелочи архиерейской жизни» Н. С. Лескова в критике конца 1870 — начала 1880-х гг. 165

Диана Матвеева. Функции кинематографических приемов в повести Ю.Н. Тынянова «Восковая персона» 177

Катажина Мруз. о смысле смены заглавия в рассказе Владимира Набокова «Подробности заката» 189

ISSN 2307-5945

2014. № 2

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА
ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Летняя школа по русской литературе

международная летняя школа
по русской литературе

Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виницкий (Филадельфия, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анжелес, США)
Проф. О. А. Лекманов (Москва, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

Редакция:
А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (ответственный редактор),
О. В. Макаревич, А. А. Чабан

Адрес редакции:
191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru
http://schoolsummer.jimdo.com

ISSN 2307-5945 = Letnââ škola

© Авторы статей, 2014
© Свое издательство, 2014

Информация об авторах

1. Александр Александров, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом), Санкт-Петербург, Россия
aspiros.83@mail.ru

2. Эльмира Александрова, кандидат филологических наук, научный сотрудник ИРЛИ Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом), Санкт-Петербург, Россия
egumerova@mail.ru

3. Кристина Гарнова, студентка Смоленского государственного университета, Смоленск, Россия
crisdiamond@yandex.ru

4. Елена Глуховская, кандидат филоллогических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков Военного института (инженерно-технического) Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В.Хрулева, Санкт-Петербург, Россия
glu-alyona@yandex.ru

5. Ольга Ермакова, докторант Таллинского университета, Таллин, Эстония

6. Татьяна Ефремова, аспирант Самарского государственного университета, Самара, Россия
tata_fmn@mail.ru

7. Ольга Жиронкина, аспирант Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия
oligoboss@gmail.com

8. Ольга Макаревич, аспирант Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия
philologolga@gmail.com

9. Диана Матвеева, аспирант Новосибирского государственного педагогического университета.
dianagolikova@yandex.ru

10. Катажина Мруз, аспирант Ягеллонского университета, Краков, Польша.
katmroz@gmail.com

Летняя школа по литературе. 2014. № 2. С. 156-164.

Ольга Жиронкина
(Москва)

ТВОРЧЕСКИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ К. Д. БАЛЬМОНТА И В. Я. БРЮСОВА КАК ПОЭТИЧЕСКОЕ СОСТЯЗАНИЕ

Статья касается вопроса литературных взаимосвязей Бальмонта и Брюсова в свете их поэтического состязания. Рассматриваются существующие работы по данной тематике, а также дается анализ критических замечаний и высказываний в корреспонденции самих поэтов. Исследование выдвигает новые термины для описания специфики взаимосвязей поэтов — поэтическое состязание и состязательные стихотворения.

Ключевые слова: Серебряный век в русской поэзии, Константин Бальмонт, Валерий Брюсов, сравнительное литературоведение.

The essay focuses on the literary interrelations between Balmont and Brusov as an example of a competition in poetry. It gives a short review on the tradition of comparing these two authors, analyzes their correspondence and critical comments on each other poetical works and presents new terms for describing their specific connections — poetical competition and competitive poems.

Key words: Russian poetry, The Silver Age, Konstantin Balmont, Valery Brusov, comparative studies.

В своих воспоминаниях Марина Цветаева пишет: «Бальмонт, Брюсов. Росшие в те годы никогда не называли одного из них, не назвав (хотя бы мысленно) другого. Были и другие поэты, не меньшие, их называли поодиночке. На этих же двух — как сговорились. Эти имена ходили в паре» [16; 51]. И действительно, не только исследователи творчества поэтов, но уже современники К. Д. Бальмонта и В. Я. Брюсова часто сопоставляли их поэзию, их критику, их отношение к творчеству и даже их характеры. О взаимном притяжении двух поэтов свидетельствует целый корпус критических статей и воспоминаний, оставленных Зинаидой Гиппиус, Максимилианом Волошиным, Мариной Цветаевой, Андреем Белым, Эллисом, Тэффи, В. Ф. Ходасевичем, Ю. Д. Айхенвальдом, Е. В. Аничковым, В. М. Жирмунским и дру-

гими, не считая обзоров и критических отзывов в газетах и журналах той эпохи. Приведем оценочную характеристику поэтов, данную Ходасевичем: «Его (Брюсова) неоднократно подчеркнутая любовь к Бальмонту вряд ли может быть названа любовью. В лучшем случае это было удивление Сальери перед Моцартом. Он любил называть Бальмонта братом. М. Волошин однажды сказал, что традиция этих братских чувств восходит к глубокой древности: к самому Каину» [15; 37]. Вообще, мотив Моцарта и Сальери неоднократно появляется и в других статьях и очерках о В. Я. Брюсове или К. Д. Бальмонте (особенно часто у Цветаевой, например: «Бальмонт и Брюсов. Об этом бы целую книгу,— поэма уже написана: Моцарт, Сальери» [16; 51]). Этот сюжет кочует из уст в уста, приобретая среди современников значение мифа. На эту устойчивую характеристику отношений поэтов указывают и современные исследователи: «“Сальерианство” Брюсова — устойчивая характеристика его творческого и индивидуального облика. Об этом писали А. Бурнаки, Ю. Айхенвальд, В. Ф. Ходасевич и М. Цветаева в разбираемом эссе; у самого Брюсова авторефлексия на тему «сальерианского» мифа отобразилась, вероятно, в неопубликованной при жизни повести “Моцарт” (1915 г.)» [4; 183].

Что же побуждало современников так настойчиво сополагать этих двух совершенно различных по характеру поэтов? Почему при сравнении творчества К. Д. Бальмонта и В. Я. Брюсова возникла аналогия именно с Моцартом и Сальери — двумя творцами, чьи отношения можно охарактеризовать не только как ученические, но в большей степени как соперические? И как сами поэты осознавали специфику своих взаимосвязей?

Во многих статьях и монографиях авторы останавливаются на описании прижизненных отношений поэтов (либо их критической полемике, либо конкретных аспектах их поэтического диалога), при этом не сопоставляют их взаимные поэтические влияния и обходят вопрос литературного соперничества поэтов. Например, А. А. Нинов в статьях «Переписка В. Я. Брюсова с К. Д. Бальмонтом» [11] и ««Брюсов и Бальмонт» (1894–1898)» [9] приводит достаточно полную историю знакомства и дружбы поэтов, подтверждаемую их письмами и воспоминаниями, дает хронологию их встреч и последовавших за ними стихотворных посланий. В статьях Т. Ковалевой «Валерий Брюсов о Бальмонте» [5] и «Брюсов о поэтическом мастерстве Бальмонта» [6] рассматриваются критические высказывания поэтов друг о друге,

их взаимная оценка поэтического мастерства. А.Ю. Романов в статье «Голос наш — векам завет...» К истории отношений К. Бальмонта и В. Брюсова (1900–1910 г.): рецензии современников» [13] дает обзор литературного процесса 1900–1910-х годов, анализирует влияние современной критики на взаимоотношения поэтов, приводит высказывания поэтов на эти критические отзывы. Однако во всех перечисленных статьях рассматривается скорее литературный быт, критическая и поэтическая полемика поэтов в ее социальном окружении, чем анализируется характер и специфика творческих заимствований и перекличек поэтов.

Таким образом, до сих пор не сложилось устойчивой характеристики взаимоотношений К.Д. Бальмонта и В.Я. Брюсова, а различные термины вносят большую путаницу в литературоведческую традицию, предоставляя широкие возможности для толкования и осмысления их творчества.

Мы выделяем три основные тенденции в выборе терминов для характеристики их взаимосвязей. Во-первых, это следование «само-определениям» поэтов и использование характеристик, заимствованных непосредственно из текстов К.Д. Бальмонта или В.Я. Брюсова. Например: «Долголетние отношения их были сложными и неровными, Бальмонт справедливо охарактеризовал их как «нить дружбы-вражды» [12; 615]. Или: «Ревниво-завистливое, им самим обозначенное как «чуждость», чувство временами то затухает, то возгорается с новой силой еще и потому, что их имена, постоянно соседствуя в критических обзорах и рецензиях, сохраняют «алфавитный порядок», как и на обложке совместного сборника «Книга раздумий» (1900 г.)» [там же]. Вторая тенденция — это попытка подыскать определенный литературоведческий термин для обозначения того или иного явления в конкретном случае. Здесь могут появляться такие понятия, как «заимствование», «влияние», «полемика», «диалог», «пародия» и прочие. В зависимости от того, какой конкретно темы касается автор исследования, такие понятия он и привлекает. Например, в статье С.Н. Тяпкова рассматривается вопрос пародирования стихов К.Д. Бальмонта — соответственно, в его статье появляются следующие термины: «Пародия эта близка к жанру стилизации и почти без утрирования дублирует метр, ритм, рифмы бальмонтовской “Тишины” [14; 79]. В-третьих, некоторые авторы пробуют давать собственные определения взаимосвязям К.Д. Бальмонта и В.Я. Брюсова, подыскивают подходящие слова и определения: «поединок», «состязание»,

«вызов», «спор». Большинство этих определений принадлежит А. А. Нинову: «В полемике и споре с Бальмонтом, в постоянном соревновании и соперничестве с ним, в ответ ему Брюсов нашел наиболее глубокие и точные определения собственных целей в поэзии» [10; 193]. Видно, что все определения говорят о существовании особой конкуренции между поэтами, постоянно подогреваемому ими духу поэтической борьбы.

Но каким образом сами поэты оценивали характер своих литературных взаимоотношений? Какие слова и характеристики они использовали для описания своего диалога? В. Я. Брюсов часто цитировал стихи К. Д. Бальмонта в своих письмах и нередко давал им собственный комментарий или критическую оценку. В 1896 г. он так отвечает на письмо К. Д. Бальмонта: «О моих стихах? Не пишу. Раз только подражал Вам: И ночи и дни примелькались». В другой раз, 3 ноября 1898 г., он пишет: «Так как способен только на легкое,— то перевожу «Фауста», опять соперничая с Вами» [7; 84]. В. Я. Брюсов порой даже замечает некоторые заимствования из своих стихотворений в стихах К. Д. Бальмонта, на что не забывает ему указать. Например 23 октября 1897 г. в дневнике Брюсов записывает: «Я полюбил суровые забавы, // Полеты акробатов, бой быков, // Арены, где свиваются удавы, // И девственность, введенную в альков... И это мне недоступно уже. А ведь третий стих взят у меня, и Бальмонт из-за этого даже хотел заменить его: «И вой волков, бегущих от облавы» [2; 45–46]. Брюсов ссылается на стихотворение «Предчувствие» («Моя любовь — палящий полдень Явы») из сборника «Shefs d'œuvre» 1895 г., среди строк которого есть и такие: «Там ящеры, зрачки прикрыв, лежат, // Здесь по стволам свиваются удавы» [3; 57]. 11 февраля 1899 г. В. Я. Брюсов бросает К. Д. Бальмонту еще одно обвинение: «Еще замечание. Почему Ваше предисловие помечено 24 дек. 1898 г.? Это взято у меня из Shefs d'œuvre 2 изд.— и к тому же противоречит цензурной помете — ноябрь» [7; 819].

С другой стороны, соперничество В. Я. Брюсова распространялось не только на К. Д. Бальмонта,— казалось бы, он любую литературную игру воспринимал как состязание. «Потом жил мирно, день за днем, не опаздывая "домой к обеду"; писал рассказы, унижаясь таким образом до соперничества с Максимом Горьким» [7; 113]. Получается, В. Я. Брюсов стремился ко вступлению в литературную борьбу и любую полемику, любой диалог В. Я. Брюсов превращал для себя в состязание, с обязательным условием сделать как можно лучше, сделать правильнее.

При этом он обращался не только к современными ему авторам, но даже и «классикам» литературы, дописывал их стихи, делал собственные варианты. Он сочинил собственную версию «Памятника», дописал пушкинские «Египетские ночи». Даже его тяга к переводам, составлению всевозможных антологий («Сны человечества», «Опыты по метрике, ритмике и строфике») являлась своего рода преломлением его любви к состязанию, вызову самому себе.

К. Д. Бальмонт при этом не был настолько же склонен к состязаниям и поэтическим спорам, как его друг-соперник. Он мог принять правки В. Я. Брюсова, а мог и не принять. Чаще не принимал. Стихотворения, возникающие у него на фоне чужих идей, всегда выливались в нечто своеобразное, мгновенное, не претендующее на роль вечного и идеального. Он и представить себе не мог возможность «переписывания» чего-либо. Свойственная К. Д. Бальмонту импрессионистическая манера творчества предполагает ценность мгновения и требует от поэта быть импровизатором. Такая система «не терпит переделок и не допускает вариантов» [1]. Однако это не значит, что К. Д. Бальмонт не замечал попытки В. Я. Брюсова втянуть его в поэтический спор. Он и сам нередко писал сразу по 3–4 ответных послания В. Я. Брюсову на какое-либо его полемическое замечание, иногда сочиняя целые письма в стихах. К тому же, позиция «мэтра» и «отца» символизма позволяла К. Д. Бальмонту принимать на себя главенствующую и даже покровительствующую роль, с высоты которой претензии В. Я. Брюсова воспринимались лишь как попытки ученика превзойти своего учителя. Поэтому для него не существовало вопроса «Кто лучше?», а только лишь «О чем?» и «Как?». В 1907 г. К. Д. Бальмонт пишет В. Я. Брюсову следующие строки: «Валерий, ведь зависть поэта к поэту, к тем или иным чертам и достижениям, не есть зависть человека к человеку, не есть желание очернить и переторговать соседа. Зависть поэта есть состязание, и я повторяю, ты часто завидовал мне — как и я завидовал и всегда! всегда! буду завидовать твоему «Крысолову», которого считаю гениальным — и лучшим не только из твоих песнопений, но из многого-многого ряда певучих строк, созданных в России и в Европе в XIX веке. Но моя зависть тут и кончается — я хотел бы, чтоб это стихотворение было мое, а не твое. Когда же начинаешь завидовать ты, ты перебрасываешь свое чувство в состязание. Я беру тему, ты берешь эту тему. Я пишу о том-то, ты пишешь о том-то. Я перевожу

«Ворона», ты переводишь “Ворона”. Но ведь это хорошо, хорошо, а не дурно,— это — состязание. Но если состязающийся выигрывает, это хорошо, а если он систематически остается на том же уровне или ниже этого уровня (как именно в «Вороне»), он создает чувство досады в заинтересованном и особенно в посторонних зрителях. И когда посторонние начинают, справедливо или несправедливо, поносить состязающегося — для меня, кому этот состязающийся дорог, вырастает боль, ощущенье какой-то фальши, чего-то ненужного. Мы равны. К чему ж мы будем бороться?»

Из всего вышесказанного видно, что оба поэта — и В. Я. Брюсов, и К. Д. Бальмонт,— осознавали соревновательный аспект своих взаимосвязей и воспринимали свои литературные отношения как состязательные. Хотя жажда литературной борьбы была более близка В. Я. Брюсову, чем К. Д. Бальмонту. К тому же, по объективным причинам на рубеже веков В. Я. Брюсову приходилось в буквальном смысле завоевывать себе уважительную позицию в литературе, в то время как К. Д. Бальмонт быстро приобрел популярность и почтение, величину которых В. Я. Брюсов потом всю жизнь пытался превзойти. Возможно, правы были современники, сравнивая их с Моцартом и Сальери.

Итак, мы считаем, что судить автора по правилам, им же самим для себя созданным, является в данной ситуации хорошим способом справиться с возникшей терминологической путаницей. В связи с чем мы предлагаем следовать самооценке К. Д. Бальмонта и В. Я. Брюсова своих творческих взаимосвязей, и ввести термин *СОСТЯЗАНИЕ* для определения особого рода литературной борьбы.

Соответственно, перед нами встает задача определить термин «состязание» в поэтическом плане и установить необходимые и достаточные признаки для его разграничения с прочими видами литературной полемики. И эти признаки таковы: *преднамеренность и осознанность взаимосвязей; реальное участие обоих состязающихся в поэтическом споре и установка на победу.* Остановимся поподробнее на каждом из них. В зависимости от степени осознанности перекличек, выделяются два различных термина: «влияние» и «подражание». Влияние характеризуется неосознанными или ненамеренными заимствованиями, часто граничащими с зависимостью от чужого стиля, от которого автор стремится избавиться. «От «влияния» надо отличать сознательное заимствование, использование продукта чужого творчества, как материала, самостоятельно претворяемого» [8].

Подражание, напротив, является «преднамеренным влиянием», сознательным копированием тех или иных особенностей стиля писателя. Осознанность подражательного аспекта является, на наш взгляд, необходимым условием поэтического состязания. Далее, реальное участие двух состязающихся поэтов в споре позволяет отграничить поэтическое состязание от диалогизированных посланий, которые хотя и изображают две (или более) различные точки зрения, но тем не менее являются лишь выражением одного авторского «я». Соперничество в данном случае одностороннее, поэт ориентируется на собственное представление о возможных ответах соперника. Наконец, установка на победу. Поэт, вступающий в поэтическое состязание с другим поэтом, стремится сделать свою работу лучше. Диалог в этом плане не предполагает идеального выражения; обмен высказываниями может происходить и в согласии, и в разногласии говорящих. Влияния, подражания и заимствования также не предполагают «победителя», а скорее наоборот — являются косвенным признаком признания лучшим другого поэта. Состязание же основывается на идее высшего выражения, идеала, по отношению к которому поэты соревнуются в мастерстве слова. Даже если поэты и не выносят состязательный аспект на всеобщее обозрение, уже между ними двумя строятся сложные отношения, предполагающие победителя, сказавшего «лучше», и проигравшего, который должен признать победу соперника — или вступить с ним в новый спор.

Таким образом, поэтическое состязание — это осознанный поэтический спор двух поэтов-современников, стремящихся выразить в творчестве собственное художественное видение мира лучше своего соперника.

С опорой на эти признаки мы выделяем в творчестве К. Д. Бальмонта и В. Я. Брюсова стихотворения состязательного характера. Понятно, что не каждое стихотворение, написанное поэтом-соперником является состязательным. Как отделить стихотворения, преднамеренно вступающие в спор с произведениями соперника от просто полемических стихотворений? Где граница между двумя просто похожими и состязательными стихотворениями? Какими характеристиками должны обладать стихотворения, чтобы можно было говорить о поэтическом споре? И здесь мы также выделяем три необходимых признака, которыми должны обладать состязательные стихотворения. Во-первых, это *общность темы и сходство хотя бы на одном из*

уровней поэтического текста: одинаковое название, схожее композиционное строение, близость образной структуры, тот же ритм, или строфика, или способ рифмовки и прочее. Во-вторых, *наличие явственных интертекстовых перекличек*: заимствованные слова, метафоры, образы, другого рода аллюзии и отсылки к определенному тексту. И в-третьих, это *принципиально иное (порой зеркальное) решение поставленной задачи на других уровнях текста.* К вышеперечисленным признакам можно добавить также не обязательные, но часто сопутствующие состязательным стихотворениями признаки: близость по времени создания стихотворений и наличие посвящений, эпиграфов и цитат из стихов поэта-соперника.

Таким образом, состязательные стихотворения — это стихотворения, созданные, как правило, в один и тот же временной промежуток, объединенные общей темой, имеющие одинаковую структуру на одном из уровней стихотворного текста и содержащие очевидные межтекстовые переклички, при этом предлагающие принципиально иное решение на других уровнях текста.

Список литературы и источников

1. *Бальмонт К.* Забывший себя // Утро России. 1913. 3 авг. № 179.

2. *Брюсов В.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М., 2002.

3. *Брюсов В.Я.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1973. Т. 1.

4. *Войтехович Р.* Брюсов как римлянин в «Герое труда» Марины Цветаевой // Блоковский сборник XV. Русский символизм в литературном контексте рубежа XIX — XX вв. Тарту, 2000. С. 182–195.

5. *Ковалева Т.* Валерий Брюсов о Бальмонте. (К истории взаимоотношений в 90-е годы) // В. Брюсов и литература конца XIX–XX века. Ставрополь, 1979. С. 53–62.

6. *Ковалева Т.* Брюсов о поэтическом мастерстве Бальмонта // Валерий Брюсов. Проблемы мастерства: Сб. научных трудов. Ставрополь, 1983. С. 159–166.

7. Литературное наследство. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 1 / Отв. ред. Н. А. Трифонов. М., 1991.

8. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2 т. М.; Л., 1925. Т. 1.

9. *Нинов А.* Брюсов и Бальмонт // Брюсовские чтения 1980 года: Сб. статей. Ереван, 1983. С. 93–122.

10. *Нинов А.* О стихотворном послании В. Я. Брюсова «К. Д. Бальмонту» 1902 года // Брюсовские чтения 1983 года: Сб. статей. Ереван. 1985. С. 181–194.

11. *Нинов А.* Переписка с К. Д. Бальмонтом // Литературное наследство. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 1. М., 1991. С. 30–151.

12. *Орлов В.* Бальмонт. Жизнь и поэзия // Бальмонт К. Д. Стихотворения. Л., 1969. С. 179–254.

13. *Романов А.* «Голос наш — векам завет…» К истории отношений К. Бальмонта и В. Брюсова (1900–1910 г.): рецензии современников» // Солнечная пряжа: Научно-популярный и литературно-художественный альманах. Иваново; Шуя. 2011. Вып. 5.

14. *Тяпков С.* К. Бальмонт в пародиях «новых» поэтов // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века. Иваново, 1993. С. 78–93.

15. *Ходасевич В.* Некрополь. Брюссель, 1939.

16. *Цветаева М.* Герой труда: (Записи о Валерии Брюсове) // Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. М., 1997. Т. 4. Кн. 1. Воспоминания о современниках. С. 12–63.